

УДК 821.112.2.09:316.77"195/199"

На правах рукописи

Соколова Елизавета Всеволодовна

**Проблема коммуникации в литературе Германии и Австрии
второй половины XX века**

Специальность 5.9.2 – Литературы народов мира
(филологические науки)

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
доктора филологических наук

Санкт-Петербург– 2026

Работа выполнена в Отделе литературоведения Федерального государственного бюджетного учреждения науки «Институт научной информации по общественным наукам Российской академии наук (ИНИОН РАН)».

Официальные оппоненты:

Зусман Валерий Григорьевич, доктор филологических наук, профессор, профессор департамента литературы и межкультурной коммуникации Нижегородского филиала ФГБОУ ВО «Национальный исследовательский университет “Высшая школа экономики” (НИУ ВШЭ, Нижний Новгород)»

Цветков Юрий Леонидович, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры зарубежной филологии ФГБОУ ВО «Ивановский государственный университет».

Вольский Алексей Львович, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры зарубежной литературы ФГБОУ ВО «Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена».

Ведущая организация:

ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет»

Защита состоится «16» декабря 2026 г. в 15.00 часов на заседании Диссертационного совета 33.2.018.21 по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук на базе Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена» по адресу: Россия, 191186, г. Санкт-Петербург, набережная реки Мойки, д. 48, корпус 11, аудитория 64.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке и на сайте РГПУ им. А. И. Герцена, доступна по ссылке https://disser.herzen.spb.ru/Preview/Karta/karta_000001271.html

Автореферат разослан « » _____ 2026 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
доктор педагогических наук,
доцент _____

Ядровская Елена Робертовна

Общая характеристика диссертационного исследования

В представленной работе прослеживается двусторонняя связь между широко понимаемой проблемой коммуникации, включая философские и практические аспекты, и художественной литературой второй половины XX в. в Германии и Австрии. Изучаются *коммуникативные стратегии* влиятельных писателей, для которых поэтическое слово, язык, диалог постоянно находятся в фокусе внимания; определяются место и роль коммуникативной проблематики в литературе и – шире – в социокультурной ситуации названных стран, при этом сама ситуация осмысливается как кризисная для сферы человеческого общения и взаимопонимания на фоне исторических потрясений и продолжающегося философского «кризиса языка», который восходит к антропологическому кризису рубежа XIX–XX вв. и «сдвигу» представления о реальности, осознаваемому теперь как во многом обусловленное языком.

«Вся человеческая культура – это коммуникация», как писал Ю. М. Лотман в работе «Автокоммуникация: “Я” и “Другой” как адресат». Она может рассматриваться и «как сумма сообщений, которыми обмениваются различные адресанты <...>, и как одно сообщение, отправляемое коллективным “я” человечества самому себе».¹ Литературный текст реализует определенную совокупность «коммуникативных стратегий художественного письма»² через автора – индивидуального субъекта коммуникации и одновременно носителя определенной культуры, участвующего вместе с ней в «большой» (межкультурной) коммуникации. По Лотману, текст соотносится с культурой, как «микрокосм» с «макрокосмом», а значит, постигая динамику литературно-художественного дискурса через призму реализуемых в нем коммуникативных стратегий в рамках конкретной эпохи и культуры, можно прояснить что-то существенное о том, как культура, коммуницируя, живет.

¹ Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров. – Санкт-Петербург: Азбука, Азбука-Аттикус, 2024. – С. 51.

² Тюпа В.И. Литература и ментальность. – Москва: «Вест-консалтинг», 2009. – С. 65–66.

Отражая социокультурную ситуацию, в которой создается, текст не свободен от характерных для нее проблем. Явный акцент на трудностях общения, нежелании говорить о себе, невозможности достичь взаимопонимания с людьми (включая близких), который бросается в глаза при анализе литературных произведений писателей Германии и Австрии второй половины XX в., нередко определяя их проблемное содержание, свидетельствует об острой актуальности коммуникативной проблематики в общественной жизни названных стран.

В настоящей работе проблема коммуникации осмысливается в двух основных ракурсах. Во-первых, изучаются коммуникативные стратегии художественного письма, определяющие поэтику австрийских и немецких писателей. Во-вторых, прослеживаются проявления актуальных для социокультурной ситуации Германии и Австрии конца XX в. ракурсов коммуникативной проблематики в ярких художественных текстах эпохи. С одной стороны, изучаются индивидуальные варианты коммуникативных стратегий, реализуемые влиятельными писателями. С другой, – на основе проблемного и мотивного анализа произведений тех писателей, для которых особенно важны вопросы языка, поэзии, общения, диалога, определяются и осмысливаются основные типы распространенных в обществе нарушений коммуникации, находящих систематическое отражение в романе конца XX в.

Аналитическое внимание в данной работе направлено на параллельное осмысление проблемы коммуникации в двух разных, хотя и родственных, литературах – Германии и Австрии. Такой подход представляется оправданным и информативным, несмотря на то что может способствовать некоторому размыванию исследовательского фокуса. Вообще, обособление австрийской литературы и уверенное выделение ее из «главной» литературы немецкого языка – литературы Германии – до сих пор принимается не всеми западными исследователями, и дискуссии о статусе литературы Австрии внутри немецкоязычного пространства периодически вспыхивают вновь. Тем важнее, что взгляд через призму коммуникативной проблематики обнажает

новые значимые различия между этими литературами, а значит, приносит и аргументы в пользу самостоятельности австрийской литературы, что соответствует устоявшемуся в отечественной германистике подходу к этой проблеме³. При этом мы стараемся избегать четкого разделения выбранных для анализа писателей на «австрийцев» и «немцев», поскольку влияние единого языкового пространства и общего культурного наследия, транслируемого языком, остается мощным объединяющим фактором. Неизбежную условность подобного разделения (без отрицания его осмысленности в определенных ракурсах) иллюстрирует последняя глава настоящей работы, посвященная В. Г. Зебальду, впитавшему наследие обеих литератур и обогатившему его глубоким погружением в другие европейские литературы (п. 4.1.3).

Объектом исследования в настоящей работе являются художественные произведения крупных австрийских и немецких писателей эпохи, для которых характерно напряженное внимание к проблемам языка и коммуникации. В русле отношения к языку и коммуникации прослеживается творческая эволюция Ингеборг Бахман (1926–1973); исследуется отражение коммуникативных проблем, актуальных для немецкой и австрийской культуры 1990-х годов, в ключевых текстах Б. Шлинка (р. 1944), В. Генацино (1943–2018), В. Хильбига (1941–2007), К. Рансмайра (р. 1954), М. Байера (р. 1965), К. Хакер (р. 1967); изучается художественная проза В. Г. Зебальда (1944–2001) с точки зрения ее нарративных и коммуникативных стратегий, создающих новаторские эффекты «коллективного» (многофокусного, нелинейного) повествования при сохранении диалога с предшествующей культурной традицией.

³ История австрийской литературы XX в.: в 2 т. – Москва: ИМЛИ РАН. – Том I: Конец XIX – середина XX века. – 2009. – 632 с.; Том II: 1945–2000. – 2010. – 576 с.; Павлова Н. С. Природа реальности в австрийской литературе. – Москва: Языки славянской культуры, 2005. – 312 с.

Предмет исследования – проявляющееся в литературных произведениях влияние актуальных в Германии и Австрии второй половины XX века аспектов коммуникативной проблематики на поэтику названных писателей, формирование их нарративных и коммуникативных стратегий; формы отражения коммуникативного кризиса в художественной литературе эпохи.

Материал исследования разнообразен и охватывает широкий пласт текстов немецкоязычной литературы XX в., в разных ракурсах отражающих коммуникативную проблематику. Это наследие И. Бахман (лирика 1950-х годов, рассказы 1960-х, роман «Малина» / *Malina* (1971) и некоторые другие части прозаического проекта «Виды смерти», отдельные эссе – в частности, о Витгенштейне, «Франкфуртские лекции»); наследие В. Г. Зебальда (главным образом, «большая» проза: подробно анализируются «Головокружения» (1990), «Кольца Сатурна» (1995), «Аустерлиц» (2001), и эссеистика – тексты двух сборников его эссе об австрийских писателях); немецкие романы «поворотного» 1995 года («Чтец» Б. Шлинка, «Летучие собаки» М. Байера, «Болезнь Китахары» К. Рансмайра), а также романы К. Хакер, В. Хильбига, В. Генаццо. Для сопоставления в рамках выбранного проблемного ракурса привлекаются отдельные тексты Г. Бенна, Г. Гессе, Р. Д. Бринкмана, П. Хандке, П. Зюскинда и некоторых других. Особое место занимает наследие Ф. Кафки – его проза 1910-х годов, переписка и дневники, а также работы Л. Витгенштейна – ранний «Логико-философский трактат» (1921) и опубликованные посмертно «Философские исследования» (1953), записки «О достоверности», «Культура и ценность».

Актуальность исследования определяется, с одной стороны, исследуемым материалом, включающим значительный пласт малоизученных и не изучавшихся вовсе в отечественной науке художественных текстов эпохи; с другой, – остротой проблемы коммуникативной (не)реализованности человека в социокультурной ситуации Германии и Австрии XX–XXI вв.

Цель исследования – изучить корреляции между проблемой коммуникации, понимаемой как ядро философской проблемы человека, и художественной литературой Германии и Австрии второй половины XX в.; проследить философские, психосоциальные и культурные истоки кризисных аспектов в этой области и «ответ» на них художественной литературы, в том числе в форме *языкового отчаяния* писателей; на примерах произведений влиятельных писателей Германии и Австрии выявить типическое и особенное в реакциях этих литератур на ситуацию коммуникативного кризиса и описать реализуемые в них коммуникативные стратегии, особенно «антикризисной направленности», если такие будут обнаружены.

Соответственно, задачи исследования:

- проверить (подтвердить наблюдениями и примерами) гипотезу о том, что во второй половине XX в. писателям первого ряда, пишущим по-немецки, нередко присуще *языковое отчаяние*, соответствующее крайним формам не раз отмечавшегося «языкового скепсиса»;

- на материале поэзии и прозы Ингеборг Бахман осмыслить предпосылки формирования и особенности отражения явлений коммуникативного кризиса в художественной литературе послевоенного тридцатилетия;

- исследовать преломления коммуникативного кризиса в художественной прозе Германии, сосредоточившись на ситуации 1990-х годов, когда в литературу пришло новое поколение писателей («внуков войны»); проверить гипотезу о «новой актуальности» для этого поколения коммуникативных нарушений (*verhinderte Kommunikation*), о связи последних с историческими катастрофами и межпоколенческими конфликтами;

- ввести в оборот отечественного литературоведения творческое наследие В. Г. Зебальда, включая его не переводившуюся на русский язык литературоведческую эссеистику;

- изучить коммуникативные стратегии прозы Зебальда и выявить их связь с традицией австрийской литературы; новаторство по отношению к

опыту других немецких писателей 1990-х годов; показать их частичное соответствие *конвергентному* модусу ментальности и обращенность к новой культурной парадигме, предполагающей ментальную «доминанту на другое лицо» и, соответственно, иной уровень «коммуникативной компетентности субъекта»⁴.

Теоретическая значимость работы определяется ее новизной, а также первостепенной важностью коммуникативной проблематики в эпоху кризиса взаимопонимания как между отдельными людьми, так и между культурами.

Проделанная исследовательская работа по осмыслению и обобщению обширного теоретического и художественного материала позволила сформулировать и проанализировать в социокультурном и эстетическом ракурсах важнейшие, ключевые для понимания немецкой и австрийской литератур второй половины XX в. проблемы коммуникации. Помимо художественных текстов австрийских и немецких писателей второй половины XX в. (И. Бахман, П. Хандке, К. Рансмайра, Б. Шлинка, М. Байера, К. Хакер, В. Хильбига, В. Генаццо, В. Г. Зебальда), были изучены некоторые более ранние литературные и философские произведения – в первую очередь, произведения Ф. Кафки, Л. Витгенштейна, М. Бубера, имеющие прямое отношение к данному кругу проблем.

На основе собранного и исследованного обширного материала определены место и роль коммуникативной проблематики в художественной литературе Германии и Австрии второй половины XX в.; выявлены варианты коммуникативных стратегий, избираемых писателями эпохи для решения тех или иных творческих задач в ситуации коммуникативного кризиса; исследованы основные типы нарушений коммуникации, характерные для социокультурной ситуации эпохи и нашедшие отражение в художественных текстах.

⁴ Тюпа В.И. Литература и ментальность. – Москва: «Вест-консалтинг», 2009. – 276 с.

Подтверждение того, что коммуникативная проблематика занимает конститутивное место в творчестве ведущих писателей, важно для осмысления характерологических особенностей культуры и для более глубокого понимания природы литературного творчества и творчества как такового. Поскольку в работе указанный комплекс проблем последовательно соотносится не только с историко-культурным контекстом, но и с переживанием (и творческим освоением) писателями индивидуальной и исторической травмы, можно говорить о подтверждении методами литературоведения известных психологам значимых корреляций между травмой и речью, и шире – между травмой и способностью субъекта формировать адекватные коммуникативные стратегии, способностью творить. Последнее утверждение представляет собой результат, востребованный в разных областях гуманитарного знания.

Самостоятельной значимостью обладает введение в научный оборот творчества В. Г. Зебальда – особенно в свете того, что выявленные особенности его поэтики, сформировавшейся еще в 1990-е годы, созвучны современным подходам в социальных науках, учитывающим так называемые эффекты «нелинейности» и предлагающим стратегии выживания в условиях непредсказуемости (например, Н.Н. Талеб).

Практическая значимость работы заключается в том, что ее результаты могут быть использованы в лекционных курсах для студентов гуманитарных специальностей по истории культуры и зарубежной (в частности, немецкоязычной) литературы XX в., общих курсов по культурологии, истории идей новейшего времени; в курсах по теории коммуникации, спецкурсах по методологии исследования художественных текстов. Отдельные главы и параграфы могут служить источником информации при составлении словарных и энциклопедических статей о творчестве писателей, для академических историй немецкой и австрийской литератур. Предложенные в работе подходы к анализу коммуникативной составляющей авторской поэтики в соотнесенности с отражением в тексте

коммуникации как социокультурного феномена продуктивны для исследования творчества также и других крупных писателей Германии, Австрии и иных культур.

Научная новизна исследования определяется тем, что в нем впервые в отечественном литературоведении дается системный анализ коммуникативной проблематики в художественной литературе Германии и Австрии второй половины XX в. – как совокупности социокультурных феноменов и как составляющей авторских поэтик. Вписанная в широкий историко-культурный контекст эпохи, коммуникация в литературном преломлении обнаруживает собственную динамику, характерную для данных литератур в соответствии с конкретикой истории, национальной культуры и актуальными тенденциями жизни социума.

В работе впервые удалось показать продуктивность переосмысления проблемного ядра творчества крупнейших немецкоязычных писателей XX в. (Франца Кафки, Ингеборг Бахман, В. Г. Зебальда) в русле коммуникативной проблематики и предложить перспективные подходы к анализу коммуникативной основы поэтики этих и других писателей Германии и Австрии.

В научный оборот впервые введены произведения немецкой и австрийской литератур, ранее в коммуникативном аспекте не изучавшиеся (в частности, написанные на рубеже 2000-х годов романы В. Генаццо, В. Хильбига, К. Хакер) или вообще не привлекавшие внимания отечественных филологов – например, литературоведческие эссе В. Г. Зебальда, на русский язык не переводившиеся, которые рассмотрены в четвертой главе (пп. 4.1.3, 4.1.4).

Методологически в понимании культуры это исследование опирается на представления Ю. М. Лотмана, видевшего в культуре живую коммуникативную среду и непрекращающийся коммуникативный процесс, осуществляющийся независимо по двум типам контуров. Первый контур – между «Я» и «Другим» (внутри культуры или между культурами), второй

(всегда внутри одной культуры, но иногда между разными эпохами) – между «Я» и тем же самым «Я», которое, на деле, никогда первому «Я» не тождественно, и где под «Я» могут пониматься как индивидуальные субъекты, так и коллективные, включая целые культуры⁵.

Так понимаемая культура представляет собой совокупность сознаний (ментальностей), находящихся в непрерывной коммуникации как внутри нее, так и «вместе с ней» – с внешними по отношению к ней индивидуальными и коллективными субъектами. Поскольку, по М. М. Бахтину, литературное повествование представляет собой один из базовых «вторичных речевых жанров», облаченный в субъектно-контекстуальный комплекс, оно «может полноценно рассматриваться, только если принимаются во внимание как субъект, его производящий, так и контекст», принципиально «не-объектный» и составленный из «иных ментальностей»⁶. Нет смысла изучать рассматривать произведение через призму коммуникативной проблематики без оглядки на актуальные динамики породившей его культуры. И наоборот, особенности коммуникативности, обнаруживаемые в художественном тексте, напрямую соотносятся с коммуникативными установками и практиками культуры и свидетельствуют в пользу их актуальности.

В методологически важном для данного исследования представлении В. И. Тюпы о развитии культуры как череде сменяющихся парадигм коммуникативности весьма существенны и параллели с открытиями психологов XX в. о стадиях развития индивидуальной психики в процессе взросления человека – Л. В. Выготского, К. Г. Юнга, З. Фрейда. Обращение к их работам оказывается полезным при анализе текстов в русле психологического и психоаналитического подходов, как и соотнесение

⁵ См.: Лотман Ю. М. Автокоммуникация: «Я» и «Другой» как адресаты // Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров. – Санкт-Петербург: Азбука, Азбука-Аттикус, 2024. – С. 31–55.

⁶ Ромашко С. А. Краткое предложение Томаса Манна: о трудности перевода простого // Человек: образ и сущность. Гуманитарные аспекты. – 2026. – №2 (66). – С. 151–164.

наблюдений с исследованиями по «теории травмы» – относительно новой области, которая сформировалась на стыке современного медицинского и психологического дискурсов, и в последние годы обнаружила эффективность в ряде социологических и культурологических исследований (К. Карут). Актуальное состояние этой области коротко освещается с опорой на обзор О. Мороз и Е. Сувериной⁷.

Исследуются коммуникативные динамики в культурах (в том числе, «утопические», каковыми по-прежнему видятся «культуры диалога»: «диалога согласия» М. М. Бахтина, «диалогической жизни» М. Бубера или лотмановского «диалога культур»). Вслед за В. И. Тюпой мы исходим из признания неизбежности кризисов культуры – такие периоды с необходимостью сопровождают острые фазы эволюционного (или инволюционного) процесса «смены парадигмы» – доминирующего в культуре модуса ментальности и соответствующего ему типа коммуникативности. Изучая художественные тексты немецких и австрийских писателей второй половины XX в. (носителей *дивергентных* Я-сознаний), в которых отражается кризис культуры – и через коммуникативные стратегии авторов, и через тематизацию стратегий разнообразных «других», – мы обращаем внимание на преобладающие у этих авторов паттерны культурной динамики. Последние могут варьироваться от трагического осознания «падения» в направлении «дна кризиса» и «достижения эгоцентрического предела: “нет Другого”» (Ю. Хабермас) – подобное характерно для Кафки, Бахман, феномена *языкового отчаяния* в целом, – через «блуждание впотьмах» в условиях разрушения привычных форм коммуникативности, отмечаемое в текстах М. Байера, К. Хакер, К. Рансмайра, В. Хильбига и других, до более или менее последовательных попыток нащупать новые стратегии коммуникации, которые помогут оттолкнуться от «дна» и осуществить прорыв к чему-то

⁷ Мороз О., Суверина Е. Trauma studies: История, репрезентация, свидетель // Новое литературное обозрение. – 2014. – №1(125). – С. 61–73.

новому (Бахман, Генацино, Зебальд). При этом «новое» может обернуться вовсе не желаемым прорывом к «следующей» (более сложной) парадигме коммуникативности – *конвергентной*, по В. И. Тюпе, ориентированной на диалог (такова, например, утопия «нового языка» у Бахман, которая, как показано в п. 2.2, впоследствии рухнула), а возвратом к «старому»: иным формам доминирования в культуре *дивергентного Я-сознания* или даже к преобладанию в ней *нормативно-ролевого* и *роевого* сознания (последнее можно предполагать в Германии 1930-х годов).

Используемые в этой работе обозначения свойств, качеств, особенностей реализации коммуникации в литературе восходят, в основном, к терминологии В. И. Тюпы⁸, разработанной далее А. Д. Степановым⁹ (в обоих случаях в связи с поэтикой Чехова). Таковы наименования «коммуникативная стратегия / тактика / инстанция», «коммуникативный разрыв», «изображенная коммуникация», «провал / успех коммуникации» и другие. Введенное нами понятие *языкового отчаяния* применительно к писателям XX в. восходит к феномену «the rhetorical despair», описанному Джойс Векслер¹⁰ и имеющему подтвержденную связь с секуляризацией культуры в XX в. и его историческими катастрофами. С другой стороны, оно примыкает к распространенному в австрийском литературоведении пониманию *языкового скепсиса* («*Sprachskepsis*») писателей как продуктивного для дальнейшего развития литературы, что не раз отмечалось также и отечественными учеными (В.В. Котелевская).

Эта работа опирается на исследования российских специалистов по истории литератур Германии и Австрии, способствующие формированию более глубокого понимания отражаемых литературами динамик

⁸ Тюпа В.И. Литература и ментальность. – Москва: «Вест-консалтинг», 2009. – С. 65–84.

⁹ Степанов А. Д. Проблемы коммуникации у Чехова. – Москва: Языки славянской культуры, 2005. – 339 с.

¹⁰ Wexler J. Violence without God. The Rhetorical Despair of Twentieth-Century Writers. – New-York; London; Oxford et. al.: Bloomsbury, 2017. – 204 p.

коллективного сознания / бессознательного в этих странах в те или иные периоды. С этой точки зрения нам особенно важны фундаментальные исследования Н. С. Павловой, А. И. Жеребина, В. В. Котелевской, академические истории литературы Германии и Австрии.

Аналитический аппарат исследования включает как методы, ориентированные на изучение автора (биографический, психологический, психоаналитический), так и направленные на изучение литературного и культурно-исторического контекста, контекстных взаимосвязей (сравнительный и сравнительно-исторический, социологический методы, мотивный анализ, архетипический подход). Привлекаются элементы интертекстуального анализа и рецептивной эстетики – особенно при изучении творчества В. Г. Зебальда. В парадигме сравнительного литературоведения тексты немецких и австрийских писателей сопоставляются как между собой, так и с другими произведениями, при этом выбор материала для сопоставления осуществляется в том числе и по принципу «семейного сходства», который восходит к «Философским исследованиям» Витгенштейна и играет особую роль в филологической мысли В. Г. Зебальда.

На защиту выносятся следующие положения:

– в значимых текстах художественной литературы Германии и Австрии второй половины XX в. отражается глубокий кризис взаимопонимания между людьми как существенная черта актуальной социокультурной реальности;

– проявления коммуникативного кризиса в творчестве немецкоязычных писателей нередко принимают формы *языкового отчаяния*, генетически связанного с философской «критикой языка», характерной для немецкоязычной культуры XX в. и особенно обострившегося вследствие влияния нацистского прошлого Германии и Австрии. Одной из «ранних» форм *языкового отчаяния* следует считать *языковую утопию*, проявившуюся в стремлении писателя найти или создать некий «новый язык», более «правильный», чем имеющийся, и по-другому сопряженный с реальностью.

– в творчестве Ингеборг Бахман коммуникативная проблематика занимает центральное место: в лирике 1950-х годов она находит выражение прежде всего в формах *языковой утопии*, ориентированной на поиски «нового языка» – такого, который способствовал бы преобразению мира и противостоял насилию в социальном пространстве; особая роль в ее утопическом проекте отводится «пишущей женщине». В социально-критической прозе Бахман 1960–1970-х годов *языковая утопия* вытесняется более радикальными формами *языкового отчаяния*.

– изображенная коммуникация в немецкоязычном романе 1990-х годов (Б. Шлинк, М. Байер, К. Хакер) обнаруживает системные нарушения, характерные для посттравматических состояний: «оцепенелое» и «избегающее» молчание, разрыв между акустической и смысловой составляющими речи (*глухонемое слово*) и другие, – и их корреляцию с последствиями нацизма и его преступлений.

– «избегающие» и «уклоняющиеся» стратегии в коммуникации и партнерстве, формирующие «одиночество в большом городе», коррелированы с процессами урбанизации, ускорившейся во второй половине XX в., и в целом с социокультурной реальностью большого города (В. Хильбиг, В. Генацино).

– стратегия изучения литературного наследия В. Г. Зебальда через призму коммуникативной проблематики представляется плодотворной, поскольку главные темы писателя – травма истории, культурная память, жизнь и гибель культуры, – остаются для индивидуума на грани невыразимого, не укладываются в рамки линейного нарратива и требуют серьезного обновления коммуникативных и нарративных стратегий.

– коммуникативные стратегии прозы В. Г. Зебальда нацелены на осознание и интеграцию травматического исторического опыта в культурную память и обладают чертами «терапевтического письма», которое включает в себя художественные приемы интериоризации «другого» (не пережившего катастрофы, «сброшенного с корабля истории» – Р. Поснок) с целью «восстановления в правах» утраченного голоса через «полифонизацию»

голоса рассказчика; возвращение субъекту права на ошибку, понимаемую вслед за Витгенштейном как проявление всеобъемлющей и неискоренимой «неточности» человеческого мировосприятия. Право на ошибку, принятое в поэтике В. Г. Зебальда как данность и отчасти ее формирующее, способствует пробуждению и утверждению субъектности как рассказчика, так и читателя.

Апробация работы. Результаты проведенного исследования обсуждались на заседаниях отдела литературоведения и научно-методического совета по гуманитарным научно-информационным исследованиям ИНИОН РАН, на конференциях и круглых столах, проходивших в ИНИОН РАН, ИМЛИ РАН, МГУ им. М. В. Ломоносова, СПбГУ, РГПУ, РХГА, ЮФУ, КГУ им. К.Э. Циолковского. Различные аспекты темы исследования и его результаты отражены в опубликованной монографии и четырех аналитических обзорах, 39 статьях в российских и зарубежных научных изданиях.

Структура работы включает в себя введение, четыре главы, заключение и библиографический список, который содержит 470 наименований.

Содержание работы

Кризисное состояние сферы межчеловеческого общения в отражении австрийской и особенно немецкой прозы конца XX в. ранее отмечалось отечественными исследователями. Д. А. Чугунов, М. С. Потёмина, Н. С. Гладилин, Г. В. Кучумова выявляли в разных текстах немецкоязычной литературы 1980–1990-х годов преобладание монологического слова, актуализацию проблематики социальной изоляции и отсутствия взаимопонимания между людьми: мужчиной и женщиной, представителями разных поколений, а после объединения Германии в 1989 г. – еще и между представителями «разных Германий» (ФРГ и ГДР), оказавшимися теперь в едином государственном и социокультурном пространстве. Однако фундамент этого кризиса, нараставшего, хотя и неравномерно, на протяжении всего XX в., его мировоззренческие предпосылки сложились гораздо раньше,

в конце XIX столетия (Ю.Л. Цветков) и нашли выражение в философских прозрениях Ф. Ницше, Э. Маха, З. Фрейда (А.И. Жеребин), в трагедиях и прорывах писателей «экспрессионистского поколения» (Н.В. Пестова). Поэтому в первой главе **«Проблема коммуникации в литературе Германии и Австрии: от критики языка к риторическому отчаянию»**, имеющей отчасти вводный характер, за постановкой проблемы и описанием методологических основ ее рассмотрения (п. 1.1) следует осмысление мировоззренческих и философских предпосылок этого кризиса, которые в Австрии и Германии складывались немного по-разному. Выявляются связи с антропологическим кризисом рубежа XIX–XX вв., восходящим к зафиксированному Ницше в 1882 г. ощущению «смерти Бога»; даются краткие очерки кризисной динамики в литературе каждой из этих стран в первой половине XX в. (пп. 1.2, 1.3).

Далее описывается и изучается феномен *языкового отчаяния* (п. 1.4). Понятие *языкового отчаяния* обобщает хорошо известные в литературоведческом контексте – начиная со знаменитого «Письма лорда Чандоса» / *Ein Brief* (1902) Г. фон Гофмансталя, – проявления *языкового скепсиса*. «*Sprachskepsis*» – широко распространенное в немецкоязычном литературоведении наименование изменившегося в начале XX в. отношения писателей к языку (Д. Гёттше, К. Эбнер), предполагающее, что язык всегда находится «под подозрением», порождая все новые сомнения в принципиальной возможности адекватной передачи человеческого переживания и опыта посредством слова. Причины формирования такого отношения многообразны – от религиозных и философских до психологических и социокультурных. Термин используется как для описания истоков явления, так и для осмысления современной ситуации в немецкой прозе. Так понимаемое *языковое отчаяние* глубоко родственно *риторическому отчаянию* (the rhetorical despair), которое американская исследовательница Джойс Векслер выявляет у целого ряда больших писателей XX в. и связывает с кризисом христианской веры, начавшимся в Европе и

США еще в конце XIX столетия¹¹. Более того, она считает феномен *риторического отчаяния* ключевым для понимания творчества «вершинных» писателей американской и европейских литератур (включая А. Дёблина, Г. Грасса, В.Г. Зебальда), а в основаниях его видит прежде всего быструю секуляризацию общества, повлекшую за собой исторические катастрофы XX в.

В соотнесенности с наблюдениями Джой Векслер в первой главе прослеживается динамика проявлений коммуникативного кризиса в литературе Германии и Австрии второй половины XX в. Обнаруживается связь этого кризиса с опытом коллективной травмы, каким стал для немцев нацистский период, связанный, с одной стороны, с соучастием в чудовищных преступлениях против человечности (непосредственно или через ближайших родственников) и порожденным им чувством вины (чаще всего вытесняемым и проецируемым на «другого»), а с другой – с проживанием собственных потерь и трагедий. Теоретический фундамент и современное состояние соответствующей, относительно новой, области гуманитарных исследований – «теории травмы» (*trauma studies*), на которых отчасти основывается последующий анализ литературных текстов, осмысливаются в п. 1.5.

Проявления *языкового отчаяния* у Франца Кафки изучаются в п. 1.6 на материале его прозы 1910-х годов в контексте «Письма отцу», дневников и переписки с Фелицией Бауэр. Кафка важен как своего рода *casus initialis* исследуемой динамики в XX в., поскольку его поэтика зримо соединяет острое переживание утраты веры (поиски Бога) и трансформацию личной травмы посредством литературы с «экспрессионистской» жадью нового слова, находящегося в ином сопряжении с реальностью. Кроме того, фигура Кафки и его текст играют особую роль в формировании поэтики В. Г. Зебальда,

¹¹ Wexler J. Violence without God. The Rhetorical Despair of Twentieth-Century Writers. – New-York; London; Oxford et. al.: Bloomsbury, 2017. – 204 p.

подробно изучаемой через призму коммуникативных стратегий в четвертой главе.

Специальное внимание (п. 1.3) уделено также фигуре и творчеству Людвиг Витгенштейна (1889–1951). Его мысль и личность серьезно повлияли на всю последующую австрийскую литературу (В. Шмидт-Денглер) и особенно на писателей, которые находятся в фокусе настоящего исследования: прежде всего, это Ингеборг Бахман и В. Г. Зебальд, но и другие, близкие им по духу (В. Генацино, П. Хандке, Э. Елинек, Т. Бернхард и др.)

Завершает первую главу краткий очерк динамики коммуникативного кризиса в литературе Германии на протяжении XX в. с акцентом на проявлениях *языкового отчаяния* (п. 1.7): от Г. Бенна, начинавшего как экспрессионист и носитель особого отношения к слову (своеобразного логоцентризма), Т. Манна и Г. Гессе как продолжателей «вершинного движения» немецкой литературы в этом столетии, через феномены литературы «часа ноль», затем литературы 1960-х годов (в лице, главным образом, Р.Д. Бринкмана) до П. Зюскинда и его знаменитого «Парфюмера» / *Das Parfum* (1985), ставшего своеобразным трамплином для поэтики *глухонемого слова* в романах 1990-х годов.

Таким образом, в первой главе с опорой на философскую критику языка и исследование Джойс Векслер прослеживается динамика проявлений коммуникативного кризиса в художественной литературе второй половины XX в. в Германии и Австрии. При этом отмечается несомненная корреляция кризисного развития не только с ослаблением веры в Бога и секуляризацией общества как таковыми, но и с травматическим опытом, включая опыт коллективных (исторических) травм.

Во второй главе **«Разрушение коммуникации и утопические проекты *нового языка* в австрийской литературе (Ингеборг Бахман)»** на примере творчества этой писательницы, ее философских и жизненных исканий, осмысливаются предпосылки формирования и особенности отображения проявлений коммуникативного кризиса в художественной

литературе послевоенного тридцатилетия. Учтены и теоретические размышления И. Бахман о природе взаимопонимания между людьми и о роли литературы в его достижении («Франкфуртские лекции»).

Творчество этой большой австрийской писательницы наилучшим образом демонстрирует механизмы вовлеченности частного человека в травматичную коммуникативную среду послевоенного социального устройства как в Австрии (где писательница родилась, выросла и училась), так и отчасти в Западной Германии, где она часто бывала и с которой была связана многообразными литературными отношениями даже после «бегства» в солнечную Италию в середине 1950-х годов. С одной стороны, окончив Венский университет и защитив там докторскую диссертацию о философии М. Хайдеггера и Л. Витгенштейна, Бахман наследует атмосферу и традицию «философского кризиса языка», перетряхнувшего интеллектуальную жизнь Вены в 1910–1920-е годы. С другой стороны, в силу специфики личных отношений (Х. Вайгель, П. Целан, М. Фриш) тема общения, возможности / невозможности диалога с любимыми, близкими людьми, оказавшимися по другую сторону исторического разлома, захватывает ее целиком, пронизывает творчество, преломляясь в проблематике «вины языка» и травмирующей коммуникации, воссоздаваемой вновь и вновь в атмосфере социума, которому за несколько послевоенных десятилетий так и не удалось осознать и «обезвредить» этот смертельный разлом у себя внутри.

Исследовательское внимание в этой главе сосредоточено на творческом поиске Бахман, которая подростком как личную травму пережила присоединение Австрии к нацистской Германии, а вскоре после войны уверенно вошла в послевоенную немецкую литературу, начинавшуюся тогда как бы «с нуля» (литература «часа ноль»), и наполнила ее не только яркой, эмоциональной и одновременно пронизанной языковой рефлексией лирикой, но и трагическим ощущением «вины языка», усилившимся у нее в процессе глубоких личных отношений с поэтом Паулем Целаном, который потерял в фашистском концлагере обоих родителей. Как и Целан, Бахман в своей поэзии

одновременно и подтверждает известное высказывание Т. Адорно о «варварстве» писать стихи после Освенцима, и стремится преодолеть (п. 2.1).

С середины 1960-х годов Ингеборг Бахман отошла от поэзии и переключилась на прозу, сосредоточившись на создании рассказов и романов социально-критической направленности, в которых высвечивала неизбежность трагического столкновения творческого индивидуума, способного к «обновлению языка» (поначалу это у нее рассказчик-мужчина, позднее чаще всего «пишущая женщина»), с «косными» социокультурными реалиями современной ей Австрии. В фундаменте этих реалий писательница видела коллективные заблуждения, укорененные в скомпрометировавшем себя преступном «обыденном языке» (п. 2.2).

Во второй главе установлено, что в случае Бахман осмысление языковой проблематики на фоне все более очевидных проявлений коммуникативного кризиса в немецкоязычном пространстве становится осью, центрирующей ее творчество. Определяющая для ее лирики 1950-х годов утопия *нового языка* (который должен был бы прийти на смену обыденному немецкому языку, «совиновному» в нацистских преступлениях, и изменить коммуникативную среду в послевоенной Австрии и Германии, сделав ее дружественной к участникам коммуникации) достигает кульминации в проекте *языка любви* (стихотворение «Скажи, любовь»). Параллельно, однако, обнаруживает себя нереализуемость этой мечты в текущей парадигме коммуникативности, по-прежнему определяемой «языком преступников и убийц» и основанной на ролевой и субъект-объектной архитектонике человеческих отношений. В социально-критической прозе Бахман 1960–1970-х годов *языковая утопия* замещается радикальными формами *языкового отчаяния*.

В третьей главе «**Изображенная коммуникация в немецком романе 1990-х годов в свете проблемы “непреодоленного прошлого”**» последовательно продемонстрировано центральное место коммуникативной проблематики в творчестве видных немецких писателей 1990-х годов. Выбранные для анализа тексты, во-первых, отчетливо отражают важнейшие

коммуникативные разрывы, характеризующие социальное пространство в Германии и отчасти Австрии в эти годы, а во-вторых, три из них («Чтец» Б. Шлинка, «Летучие собаки» М. Байера, «Болезнь Китахары» К. Рансмайра) включаются современной немецкой критикой в четверку наиболее значимых немецких романов 1995 года, с которым связывается возвращение в немецкую литературу «проблемы непреодоленного прошлого» через призму восприятия писателей нового поколения (Р. Кэммерлингс).

В п. 3.1. с опорой на поколенческий подход (Е. Агацци, Т. Анц) осмысливается воздействие нацистского прошлого Германии (и порожденной им проблемы непреодоленного прошлого в культуре) на коммуникацию и ее отражение в литературе. В русле теории травмы затрагивается проблема «воздушной войны» («*Luftkrieg*») – такое название в Германии получили разрушительные ковровые бомбардировки в 1942–1945 гг. воздушными силами англо-американских союзников, в результате которых были разрушены многие немецкие города и уничтожены сотни тысяч их жителей (своими катастрофическими последствиями наиболее известны ковровые бомбардировки Дрездена и Гамбурга). Осмысливается дискуссия, развернувшаяся на страницах журнала «Шпигель» после публикации эссе В. Г. Зебальда «Воздушная война и литература» / *Luftkrieg und Literatur* (1999) – о том, была ли в должной мере проработана в немецкоязычной литературе тема «воздушной войны» и ее травмирующего воздействия на немцев: итоги этой дискуссии подвел в своей книге «Свидетели разрушения. Литераторы и Воздушная война» / *Zeugen der Zerstörung: Die Literaten und der Luftkrieg* (2003) Фолькер Хаге, литературный редактор журнала «Шпигель».

Обсуждаемая кризисная динамика в литературном преломлении позволяет выделить два «особых момента» в истории послевоенной литературы Германии. Это, во-первых, 1959\1960 гг. – «год чудес» («*Jahr der Wunder*»), когда увидели свет пять выдающихся произведений писателей военного и первого послевоенного поколений («Бильярд в

половине десятого» Г. Бёлля, «Жестяной барабан» Г. Грасса, «Первый тайм» М. Вальзера, «Тень тела кучера» П. Вайса, «Догадки насчет Якоба» У. Йонсона), а во-вторых, 1995 год – «год разворота», отмеченный публикацией первых значительных романов писателей второго послевоенного поколения и одновременно возвращением в поле общественных дискуссий проблемы нацистского прошлого Германии. К «знаковым текстам поворотного года», с которых начинается новая фаза литературного осмысления «немецкого прошлого», Р. Кэммерлингс причисляет романы «Дети мертвых» Э. Елинек, «Чтец» Б. Шлинка, «Болезнь Китахары» К. Рансмайра, «Летучие собаки» М. Байера. Творчество Э. Елинек ранее исследовалось нами через призму коммуникативной проблематики¹²; анализ трех других романов составляет основное содержание п. 3.2. настоящей работы.

В ходе пристального изучения показано, что изображенная коммуникация в романах Б. Шлинка, М. Байера, К. Рансмайра обнаруживает системные нарушения, характерные для посттравматических состояний – «оцепенелое» и «избегающее» молчание, разрыв между акустической и смысловой составляющими речи (*глухонемое слово*) и другие. Кроме того, все названные романы демонстрируют разрушительное воздействие скрывающих правду *умолчаний* на доверие между людьми как основу здоровой социальной коммуникации.

Сопоставление сходных элементов поэтики романов западногерманского писателя М. Байера и австрийского писателя К. Рансмайра позволило установить следующее. У обоих авторов изображается *коммуникативная пустота*, формируемая многочисленными *разрывами коммуникации* (между преступниками и жертвами, между родителями и детьми, между «здешними» и «пришлыми», между мужчинами

¹² Соколова Е. В. Взаимосвязь «пола» и «языка» в творчестве Ингеборг Бахман и Эльфриды Елинек. – Москва: ИНИОН РАН, 2012. – 127 с.

и женщинами), и у М. Байера она достигает остроты *глухонемого слова*, что осознается и подчеркивается писателем. В оптике австрийца К. Рансмайра эта пустота, сохраняя почти такие же формы, приобретает более общий, универсальный смысл, сливаясь с коммуникативным разрывом между «своим» и «чужим» вообще, то есть, почти превращаясь в «трудную проблему коммуникации» (И. В. Журавлев), и претерпеваемое превращение свидетельствует о регрессе парадигмы коммуникативности к простейшим формам. С этой точки зрения особенно интересно, что в обоих текстах явным образом присутствует мысль о деградации коммуникативности до животного уровня. Причем эта деградация видится не только как опасность, грозящая человеку и человечеству, но и как (вынужденная) защита психики человека от невыносимого груза неразрешимых проблем.

Впервые в послевоенной истории нацистское прошлое оказалось в центре нескольких серьезных романов и сразу предстало первопричиной целого ряда коммуникативных барьеров, включая межпоколенческий разрыв (по признаку отношения к событиям этого самого прошлого – участие / неучастие vs невозможность участвовать в них по возрасту). Еще один коммуникативный разрыв – между «западными» и «восточными» немцами в объединенной Германии – исследуется в романе «Смотритель бассейна» / *Bademeister* (2000) Катарины Хакер на фоне «избегания» нацистского прошлого. Этот роман также рассматривается в русле психологического подхода и «теории травмы» с оглядкой на «теорию поколений» (п. 3.2.4).

Вопрос об «избегающих» и «уклоняющихся» стратегиях в коммуникации и партнерстве, формирующих тотальное одиночество персонажа немецкоязычной литературы 1990-х годов, в п. 3.3 был поставлен и изучен на фоне не только «проблемы непреодоленного прошлого», но и с учетом ситуации жизни в большом городе, создающей дополнительное давление на человека как потенциального участника коммуникации. Проблематика «одиночества в большом городе», заостряемая в «городском романе» рубежа тысячелетий, где мегаполис нередко представлен «местом

террора» (В. Юнг, А. Кун), исследуется в дуализме «западно-германского» и «восточно-германского» ракурсов: через призму коммуникативных стратегий сопоставляются городские романы двух писателей-ровесников, лауреатов премии Г. Бюхнера, – Вильгельма Генаццо, прожившего всю жизнь в ФРГ, и Вольфганга Хильбига, чье становление как писателя произошло в ГДР.

Уделяется внимание и отечественной рецепции всех анализируемых романов, отражающей состояние диалога между русской и немецкоязычными культурами. Из «героев» третьей главы в России наиболее известен К. Рансмайр – почти о каждом его романе выходили статьи, защищена диссертация (А.В. Плахина), обзорная статья входит в академическую историю австрийской литературы¹³; однако его роман «Болезнь Китахары», несмотря на хороший русский перевод Н.Н. Фёдоровой, остается недооцененным. Из писателей Германии наибольший читательский интерес вызывает Бернхард Шлинк и его роман «Чтец» (рус. перевод Б.Н. Хлебникова), к которому до сих пор регулярно обращаются не только литературоведы (Д. А. Чугунов, Н. И. Платицына), но и историки (О. А. Сухорукова). Не остался незамеченным роман «Летучие собаки» Марселя Байера (рус. перевод А.Г. Кацуры): помимо многочисленных статей, о нем недавно выпущена отдельная монография А. Э. Воротниковой и М. В. Саратовой. Остался почти не замечен российским читателем роман «Временное пристанище» Вольфганга Хильбига (рус. перевод А. Шибаровой), который, правда, исследовала М.С. Потёмина. «Смотритель бассейна» К. Хакер (рус. перевод М.В. Зоркой) также не привлек особого внимания, а первая обзорная статья о творчестве этой писательницы появилась лишь в 2022 г. (З. Ф. Марданова). Творчество Вильгельма Генаццо в разное время рассматривалось в наших работах; на русский язык переведены два его и эссе о Франкфурте (перевод М.Ю. Кореневой).

¹³ Плахина А. В. Кристоф Рансмайр // История австрийской литературы XX в. Том II. 1945–2000. – Москва: ИМЛИ РАН, 2010. – С. 461–489.

Четвертая глава «**Культура как коммуникация и ее риски: травма, память и нарратив (В. Г. Зебальд)**» посвящена творчеству наиболее яркого и загадочного немецкоязычного писателя 1990-х годов В. Г. Зебальда. Через призму коммуникативной проблематики анализируются три его прозаических текста: это «Головокружения» (1990) – четыре взаимосвязанные новеллы, изданные в нашем переводе на русский язык в 2019 г.; «Кольца Сатурна» (1995) – «английское паломничество» в 10 главах, вышедшее в России в переводе Э. Венгеровой в 2016 г., и «Аустерлиц» (2001), по жанру наиболее близкий к роману и известный отечественному читателю с 2004 г. в переводе М.Ю. Кореневой. Помимо прозы, в научный оборот вводятся до сих пор не переводившиеся на русский язык тексты Зебальда об австрийских писателях – из сборников «Описание несчастья: об австрийской литературе. От Штифтера до Хандке» / *Die Beschreibung des Unglücks: Zur österreichischen Literatur: von Stifter bis Handke* (1985) и «Отечество зловещее: эссе об австрийской литературе» / *Unheimliche Heimat: Essays zur österreichischen Literatur* (1991) (пп. 4.1.3, 4.1.4).

В главе исследуются обновляющие, ориентированные на исцеление европейской культурной памяти художественные стратегии В. Г. Зебальда. Несмотря на фактический разрыв с родиной (Германией) Зебальд, проживший большую часть взрослой жизни в Великобритании, писал стихи и прозу только по-немецки. Многие западные исследователи считают нарративные аспекты его поэтики новаторскими (Д. Блэклер, У. Бюлов, Б. Мосбах), однако до сих пор его проза не изучалась последовательно через призму коммуникативности. Имеющий репутацию «революционера» в области нарративных стратегий, этот писатель со своей «художественной вселенной» (П. Шмуккер) по-прежнему остается «белым пятном» для российской германистики: до сих пор у нас не было посвященных ему диссертаций и монографий, мало научных статей, а те, что есть, сосредоточены преимущественно на проблемном содержании его прозы – темах культурной памяти и травмы истории, – и почти не затрагивают стиль, нарративные и

коммуникативные особенности поэтики. Были предприняты многообещающие сопоставления В. Г. Зебальда с другими вершинными авторами мировой культуры – И. В. Гёте и А. П. Чеховым (О.Н. Кулишкина, Л.Н. Полубояринова), к сожалению, единичные. Помимо статей, имеются отдельные работы эссеистического плана, написанные отечественными литераторами, которые, испытав воздействие его стиля и ощутив творческое воодушевление, предприняли попытку подобрать «ключи» к его творческой мастерской (М. Степанова). Иными словами, как и должно быть, по Ю.М. Лотману, на ранних этапах воздействия нового явления одной культуры на другую, сначала постигается и перенимается «дух» значимого феномена, а понимание «устройства» (включая структурные особенности, нарративные и коммуникативные аспекты), необходимое для укоренения в принимающей культуре, приходит позже.

Последовательное изучение прозы В.Г. Зебальда позволило подтвердить предполагавшуюся ранее немецкими исследователями (С. Денхем, К. Хитхен) нацеленность его коммуникативных стратегий на осознание и интеграцию травматического исторического опыта в культурную память, в том числе в Германии. Стратегии коммуникации и коррелированные с ними нарративные особенности, коммуникативные свойства рассказчика и персонажей дают многообещающий «ключ» к творчеству Зебальда. Действительно, в большом количестве западных работ об этом писателе выявляется и так или иначе акцентируется яркое своеобразие художественной коммуникации этого автора (и его рассказчиков) и с читателем, и с «контекстом»: пространством природы, истории и культуры (ноосферой, семиосферой).

Поставив вопрос о коммуникативных стратегиях Зебальда, мы обнаружили в них черты «терапевтического письма», способствующего свободному осмыслению рассказчиком и читателем травмирующего опыта с последующей возможностью постепенной интеграции его в память культуры в форме осознания, приходящего на смену невыразимому ужасу, который

только препятствует работе мысли и принятию здравых решений в рамках уже иной проживаемой эпохи.

В поисках ответа на поставленный вопрос были выделены художественные приемы интериоризации «другого» с целью «оживления» утраченных голосов культуры в пространстве зебальдовского текста. В ходе такой «интериоризации» рассказчик Зебальда как бы «умножается» – отчетливо разделяясь на «писателя Зебальда» и якобы тождественного ему рассказчика, причем это несовпадение, это «якобы», всячески подчеркивается, в том числе через введение в текст персонажей, подобным же образом «раздвоенных». Таковы, например, *доктор К.* и писатель Франц Кафка, которые во взаимодействии с рассказчиком в «Головокружениях» порождают и тройку таинственных охотников: это «серый охотник» из детства Зебальда (и его рассказчика), охотник Ганс Шлаг из «Тетрадей ин-октаво» Франца Кафки и охотник Гракх из его же одноименного рассказа. «Умножение» происходит именно за счет привлечения «голоса» – биографии, интонации, мысли, – Франца Кафки (п. 4.2.4). Сходным образом в «Аустерлице» «расслоение» рассказчика и протагониста происходит через вплетение в ткань повествования фигуры и голоса Людвиг Витгенштейна (п. 4.1.2). И здесь уже ясно видно, что механизм, основанный на привлечении образа и круга идей другого мыслящего субъекта, помогает порождать внутри текста все новые и новые вариации образов рассказчика / протагониста без количественных ограничений. Это сообщает рассказчику Зебальда несомненные свойства «коллективного рассказчика», тем самым, намечая возможность преобразования *дивергентно-уединенного* сознания в *конвергентно-коллективное* (В.И. Тюпа), влекущего за собой и преобразование коммуникативности – из соответствующей уединенному сознанию монологической, «я»-центрированной, в диалогическую, ориентированную на другого.

Важной особенностью «терапевтического письма» В.Г. Зебальда представляется и возвращение субъекту в его прозе права на ошибку.

«Ошибка» при этом понимается писателем, с одной стороны, как проявление всеобъемлющей и неискоренимой неточности человеческого мировосприятия и нераздельно связана с потенциалом всех возможных трансформаций. С другой стороны, человек так устроен, что замеченная «ошибка» пробуждает в нем естественное желание что-то уточнить и исправить, то есть, она порождает стремление к развитию. Подобное понимание во многом восходит к «Философским исследованиям» Л. Витгенштейна (п. 4.2.1). В п. 4.2.2 на примере текста «Кольца Сатурна» показано, что «пространство ошибки» и, соответственно, неустраняемая возможность ошибки в поэтике Зебальда не просто принимается по умолчанию, но акцентируется специально. Это позволяет писателю постоянно подвергать «право на ошибку» рефлексии на разных уровнях – через рассказчика, автора, персонажей. Такая всеобъемлющая («многофокусная») рефлексия, включающая элементы интеллектуальной игры с читателем, способствует пробуждению и утверждению субъектности как рассказчика, так и читателя, которого подобный текст незаметно подталкивает к мыслительной работе, содействуя формированию и развитию критического мышления.

В **заключении** подводятся итоги. Поведенное исследование позволяет, во-первых, констатировать глубокий кризис в сфере коммуникации и межчеловеческого общения в Германии и Австрии второй половины XX в., получивший широкое отражение в художественной литературе названных стран в различных формах *языкового скепсиса*, нередко достигающего остроты *языкового отчаяния*; во-вторых, проследить через призму художественной литературы философские, психосоциальные и культурные истоки этого кризиса и осмыслить в общих чертах динамику изменений в соответствующих парадигмах коммуникативности в указанный период; в-третьих, выявить на основе корпуса проанализированных текстов типическое и особенное в коммуникативных стратегиях немецких и австрийских писателей, в том числе выделить аспекты антикризисной направленности, которые мы назвали «терапевтическими».

На основании проведенного анализа обширного корпуса текстов художественной литературы эпохи можно констатировать, что выявленные изменения парадигмы коммуникативности в Германии и Австрии имеют «зигзагообразный» характер. Прорыв к *конвергентно-диалогическому сознанию* и соответствующей ему *диалогической парадигме коммуникативности*, намечавшийся в начале XX в. (философия австрийских «диалогистов», немецкая критика языка, поэзия немецкого экспрессионизма, творчество ключевых писателей первой трети XX в., включая Г. Гессе и Ф. Кафку) не привел к массовому переходу от преобладавшего тогда в формально религиозных социокультурах немецкоязычных стран *нормативно-ролевого* модуса сознания к *конвергентному* (как бы «проскочив» стадию преобладания *дивергентного* сознания). Вместо «прорыва» последовал очевидный «регресс», в ходе которого в социальном пространстве вновь на продолжительное время возобладала *нормативно-ролевая* модальность с примесью *ролевой* и соответствующим восприятием «другого» как исполнителя «другой роли» или собственного дублера (В.И. Тюпа). Эта регрессивная тенденция, с одной стороны, сама способствовала приходу к власти в Германии нацистов, с другой стороны, последовавшие чудовищные преступления против человечности ее упрочили, как и последующее проживание поражения в войне, проходившее, очевидно, «неэкологично». Все это существенно затормозило развитие массового сознания в направлении *конвергентно-диалогизированного* модуса с присущей последнему интересубъектной парадигмой коммуникативности.

Возврат к преобладанию *нормативно-ролевой ментальности* и необходимость снова из нее «вырастать» повлекли за собой длительный период господства в обществе социально-ролевой и субъект-объектной структуры коммуникации, что, в целом, усилило мировоззренчески обусловленный *языковой скепсис* больших писателей до интенсивности *языкового отчаяния*. Конфликт поколений, радикализированный проблемой причастности к преступлениям нацизма, хотя и вытеснявшийся на уровне

социума (коллективного сознания), проявлялся при этом остро и массово на уровне каждой немецкой семьи (в меньшей степени, австрийской), породив множество *коммуникативных разрывов*, серьезно нарушивших общую «связность» *коммуникативного пространства*, то есть базовые доверие и открытость между людьми.

Ситуация обострилась при наложении новых социальных факторов в 1980–1990-е годы. Объединение во многом противоположных по социальному устройству ГДР и ФРГ в единое государственное образование после 1989 г., масштабный рост влияния массмедиа, увеличение уровня потребления, повлекшее за собой усиление потребительских тенденций, могли бы, возможно, по отдельности и в других условиях оказать нейтральное и даже развивающее воздействие на общую *коммуникативную ситуацию*, способствовать конструктивному изменению модальности массового сознания и развитию парадигмы коммуникативности. Однако на фоне уже имевшихся множественных повреждений связности коммуникативной среды они лишь способствовали ее ретравматизации, обострив имеющиеся внутри нее противоречия и породив новые разрывы. Все это ярко отразилось в художественной литературе эпохи, поскольку писатели как носители преимущественно *дивергентного* (в положительных коннотациях *уединенного*) сознания, пребывающие к тому же в постоянном контакте с коллективным бессознательным через язык, острее других воспринимали мешающие им *провалы* и *пустоты* коммуникации в социуме и проявляли их в творчестве.

Большинство писателей второй половины XX в. отражают в своих романах наиболее серьезные и вместе с тем типические разрывы коммуникации. Это в полной мере относится к проанализированным в третьей главе текстам Б. Шлинка, М. Байера, К. Рансмайра, К. Хакер, В. Хильбига. При этом в разные годы появлялись писатели, как австрийские, так и немецкие, которые обнаруживали стремление и готовность к диалогической концептуализации «другого». Такие писатели стремились к формированию

коммуникативных стратегий, обладающих «терапевтическим потенциалом» и направленных на исцеление травматической составляющей социальной коммуникации, на преодоление восприятия «другого» (и / или себя) преимущественно как «объекта» коммуникативной деятельности. Соответствующие черты были выявлены нами в поэтике И. Бахман, В. Генаццо, В. Г. Зебальда.

В завершение подчеркнем, что на примере немецкой и австрийской литератур XX в. данное диссертационное исследование подтверждает разработанную В. И. Тюпой теорию о парадигмах ментальности, обнаруживаемых в основе любой культуры, и о характерных для них представлениях о «другом», каковые и определяют действующие парадигмы коммуникативности в статике и динамике. В прямом поступательном развитии способы концептуализации «другого» эволюционируют от простейшего разделения на «своего» и враждебного ему «чужого» к наиболее сложному: представлению о «другом» как о субъекте – «адресате и одновременно адресанте собственной субъектности»¹⁴.

Переходы от одной парадигмы коммуникативности к другой сопровождаются кризисами культуры, на одном из которых и сосредоточено данное исследование. А с учетом того, что, помимо поступательного развития, в определенных исторических условиях имеют место периоды обратного развития – «регресса» парадигмы коммуникативности от более сложных форм к более простым, – предложенная В. И. Тюпой теория дает ключ к пониманию процессов, разворачивавшихся во второй половине XX в. в культурах Германии и, с меньшей интенсивностью, Австрии.

¹⁴ В качестве промежуточных стадий это развитие предполагает распознавание субъектом в «другом» исполнителя собственной и иной социальной роли, а затем и способность представить «другого» объектом своей деятельности, как и себя объектом деятельности «другого» (В. И. Тюпа).

Список работ, опубликованных автором по теме диссертации

Статьи в журналах из перечня ВАК Минобрнауки РФ и индексируемых в международных базах данных:

1. Соколова Е. В. Творец или жертва: Христос, Моисей и Орфей у Рильке // Человек: образ и сущность. Гуманитарные аспекты. – 2025. – № 3. – С. 55–72. (0,9 п. л.)
2. Соколова Е. В. Город как Другой в немецкоязычном романе 1990-х годов: Вольфганг Хильбиг и Вильгельм Генацино // Человек: образ и сущность. Гуманитарные аспекты. – 2025. – № 4. – С. 96–111. (0,9 п. л.)
3. Соколова Е. В. Мотив насекомого у А. П. Чехова и Франца Кафки // Практики и Интерпретации: журнал филологических, образовательных и культурных исследований. – 2024. – Т. 9, № 4. – С. 84–102. (1,1 п. л.)
4. Соколова Е. В. «В начале я был другим»: о некоторых аспектах языкового отчаяния у Франца Кафки // Литературоведческий журнал. – 2024. – № 2 (64). – С. 29–42. (0,9 п. л.)
5. Соколова Е. В. «Нарративизация опыта vs бессюжетная литература»: о работе секции Международной научной конференции «Fabula / фабула : слово и понятие в истории литературы и культуры», ИНИОН РАН, 17–18 октября 2023 г. (Обзорная статья) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 7: Литературоведение. – 2024. – № 1. – С. 9–24. (0,9 п. л.)
6. Соколова Е. В. «Все делается честнейшим образом...»: Франц Кафка и Паскаль Казанова о «малых литературах» // Литературоведческий журнал. – 2023. – № 2 (60). – С. 207–217. (0,9 п. л.)
7. Соколова Е. В. «Необратимые изменения»: «Турин» Готфрида Бенна и его русский перевод // Литературоведческий журнал. – 2023. – № 3 (61). – С. 160–174. (0,8 п. л.)

8. *Соколова Е. В.* Загадки центральной пары романа «Малина» (50 лет со дня смерти Ингеборг Бахман) // Человек: образ и сущность. Гуманитарные аспекты. – 2023. – № 3 (55). – С. 168–185. (1,0 п. л.)
9. *Соколова Е. В.* Феномены цвета и звука в осенней лирике Георга Тракля // *Studia Litterarum*. – 2023. – Т. 8, № 3. – С. 28–45. (1,0 п. л.)
10. *Соколова Е. В.* «Австрийский писатель» в тексте В. Г. Зебальда: о некоторых особенностях художественного стиля // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. – 2023. – № 1. – С. 128–142. (0,8 п. л.)
11. *Соколова Е. В.* Ингеборг Бахман и ее роман «Малина» // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 7: Литературоведение. – 2023. – № 3. – С. 9–26. (1,0 п. л.)
12. *Соколова Е. В.* Диалог традиции и современности: по следам МНК «Традиция в литературе и искусстве» М., ИНИОН РАН, 6–7 июня 2023 г. (Обзорная статья) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 7: Литературоведение. – 2023. – № 4. – С. 9–29. (1,1 п. л.)
13. *Соколова Е. В.* Зима наступает: образы зимы и весны в немецкоязычной поэзии прошлого и настоящего // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. – 2022. – № 5 (860). – С. 133–139. (0,6 п. л.)
14. *Соколова Е. В.* «Notturmo final»: Турин Фридриха Ницше в «Турине» Готфрида Бенна // Вопросы литературы. – 2022. – № 4. – С. 224–237. (0,75 п. л.)
15. *Соколова Е. В.* 1913 год в русских переводах современной немецкой прозы (Флориан Иллиес и В. Г. Зебальд) // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. – 2021. – № 5. – С. 154–164. (0,7 п. л.)
16. *Соколова Е. В.* Фигура и круг идей Людвига Витгенштейна в «Аустерлице» В. Г. Зебальда // *Studia Litterarum*. – 2021. – Т. 6, № 2. – С. 96–113. (1,0 п. л.)

17. *Соколова Е. В.* Моисей Томаса Манна и «Человек по имени Моисей» Зигмунда Фрейда в контексте «самоубийства Германии» // Вопросы литературы. – 2020. – № 6. – С. 13–26. (0,8 п. л.)
18. *Соколова Е. В.* Гностический вальс: ...сказал Бернхард, сказал Зебальд, сказал Шмуккер // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. – 2020. – № 6. – С. 180–187. (0,6 п. л.)
19. *Соколова Е. В.* От парадигм исключения «или/или» к парадигме расширения сознания «и то, и это»: «Русский – тот, кто любит березы» Ольги Грязновой // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. – 2018. – № 2. – С. 12–21. (0,7 п. л.)
20. *Соколова Е. В.* «Непреодоленное прошлое» в романах «Летучие собаки» Марселя Байера и «Болезнь Китахары» Кристофа Рансмайра // Вестник РГГУ. Серия: История. Филология. Культурология. Востоковедение. – 2010. – № 2 (45). – С. 217–226. (0,7 п. л.)

Монографии

21. *Соколова Е. В.* XX век в образах: поэзия и проза Германии и Австрии : монография / Е. В. Соколова; ответственный редактор К. А. Жулькова. – Москва : ИНИОН РАН, 2026. – 270 с. – (Humanitas). – ISBN 978-5-248-01148-3. (15,7 п. л.)
22. *Соколова Е. В.* Образ России в современной немецкоязычной литературе / Е. В. Соколова; ответственный редактор Е. А. Цурганова. – Москва : ИНИОН РАН, 2018. – 103 с. – ISBN 978-5-248-00876-6. (6,5 п. л.)
23. *Соколова Е. В.* «Освоение прошлого» в литературе современной Германии / Е. В. Соколова; ответственный редактор Е. А. Цурганова. – Москва : ИНИОН РАН, 2016. – 107 с. – ISBN 978-5-248-00795-0. (6,5 п. л.)
24. *Соколова Е. В.* Взаимосвязь «пола» и «языка» в творчестве Ингеборг Бахман и Эльфриды Елинек / Е. В. Соколова; ответственный

редактор Е. А. Цурганова. – Москва : ИНИОН РАН, 2012. – 127 с. – ISBN 978-5-248-00626-7. (8,25 п. л.)

25. *Соколова Е. В.* «Диалог невозможен...»: Коммуникативная проблематика в современной литературе Германии (Б. Шлинк, М. Байер, К. Хакер, В. Генацино, К. Крахт) / Е. В. Соколова; ответственный редактор Е. А. Цурганова. – Москва : ИНИОН РАН, 2008. – 128 с. – ISBN 978-5-248-00469-0. (8,0 п. л.)

Статьи в других научных изданиях

26. *Соколова Е. В.* Диалектика ошибки в прозе В. Г. Зебальда («Кольца Сатурна») // Человек : образ и сущность. Гуманитарные аспекты. – 2021. – № 3. – С. 200–217. (1,2 п. л.)

27. *Соколова Е. В.* «Тенеречь» Иоганнеса Бобровского : [рец. на кн.: Бобровский И. Тенеречь. Избранные стихотворения / пер. с нем., сост., ст., коммент.: С. Морейно, вст. ст.: В. Гильманов. Ижевск : ООО «Принт-2», 2016. 196 с.] // Практики и интерпретации. – 2021. – Т. 6, № 1. – С. 83–92. (0,6 п. л.)

28. *Соколова Е. В.* Накануне Первой мировой: осцилляция образа войны в предвоенной немецкой лирике (1911–1914) // Вестник культурологии. – 2021. – № 3 (98). – С. 44–59. (0,8 п. л.)

29. *Соколова Е. В.* «Поворот к Достоевскому» у Томаса Манна: «Доктор Фаустус» (1947) // Вестник культурологии. – 2021. – № 4 (99). – С. 96–113. (0,9 п. л.)

30. *Соколова Е. В.* Осцилляция образа: СМИ и В. Г. Зебальд о писателе (у) П. Хандке // Человек : образ и сущность. Гуманитарные аспекты. – 2020. – № 3. – С. 119–143. (1,3 п. л.)

31. *Соколова Е. В.* В отражениях двух дискурсов: СМИ и «высокая литература» о Петере Хандке // Русская германистика : ежегодник Российского союза германистов. – Нижний Новгород, 2020. – Т. 17. – С. 269–284. (0,9 п. л.)

32. *Соколова Е. В.* Писатель и литературовед В. Г. Зебальд (1944–2001) о лауреате Нобелевской премии по литературе за 2019 г. Петере Хандке // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 7: Литературоведение. – 2020. – № 4. – С. 127–137. (0,6 п. л.)

33. *Соколова Е. В.* Томас Бернхард (1931–1989) и Людвиг Витгенштейн (1889–1951) в работах отечественных и зарубежных исследователей // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 7: Литературоведение. – 2020. – № 1. – С. 81–88. (0,6 п. л.)

34. *Соколова Е. В.* «Непримиримый» австриец: Томас Бернхард (1931–1989) в недавних работах отечественных германистов // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 7: Литературоведение. – 2019. – № 1. – С. 241–246. (0,5 п. л.)

35. *Соколова Е. В.* «Семейное сходство»: В. Г. Зебальд и Людвиг Витгенштейн в работах англоязычных исследователей // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 7: Литературоведение. – 2019. – № 4. – С. 73–82. (0,6 п. л.)

36. *Соколова Е. В.* «Травма» и «вина» в третьем послевоенном поколении немецких писателей // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 7: Литературоведение. – 2018. – № 4. – С. 237–243. (0,5 п. л.)

37. *Соколова Е. В.* «Мода» и «аромат» в «Парфюмере»: Х. Дж. Риндисбахер о романе П. Зюскинда и учении Г. Йегера // Язык и мода : сборник статей. – Москва : ИНИОН РАН, 2017. – С. 75–86. – (Серия «Теория и история языкознания»). (0,7 п. л.)

38. *Соколова Е. В.* «Освоение прошлого» через расширение автобиографического дискурса: Петер Шнайдер «Возлюбленные моей матери» (2013) и Пер Лео «Вода и почва» (2014) // Метаморфозы жанра в современной литературе : сборник научных трудов. – Москва : ИНИОН РАН, 2015. – С. 227–247. (1,1 п. л.)

39. Соколова Е. В. Ловец мгновений / Рольф Дитер Бринкман. Стихи. Рассказ / перевод с немецкого и вступление Е. В. Соколовой // Иностранная литература. – 2006. – № 6. – С. 36–38. (0,4 п. л.)
40. Соколова Е. В. Поэтика повседневности в романах Вильгельма Генацино : (сводный реферат) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 7: Литературоведение. – 2006. – № 1. – С. 182–187. (0,4 п. л.)
41. Соколова Е. В. Современная литература Германии: Поиски выхода из постмодернизма // Постмодернизм: что же дальше? (Художественная литература на рубеже XX–XXI вв.) : сборник научных трудов. – Москва : ИНИОН РАН, 2006. – С. 101–141. (2,2 п. л.)
42. Соколова Е. В. Три шага в разные стороны // Иностранная литература. – 2005. – № 7. – С. 270–272. (0,5 п. л.)
43. Sokolova E. Mann's View of Dostoevsky and Tolstoy in Times of War and Peace : *Doctor Faustus* (1947) // Translating Russian Literature in the Global Context / edited by M. Maguire, C. McAteer. – Cambridge, UK : Open Book Publishers, 2024. – P. 83–95. (0,9 п. л.)
44. Sokolova E. V. Österreichische Literatur in W. G. Sebalds Prosa: Personen, Motive, Stilmerkmale // Jahrbuch der Österreich-Bibliothek in St. Petersburg (2021/2022) / herausgegeben von A. W. Belobratow. – St. Petersburg : Verlag «PETERBURG. XXI VEK», 2023. – Bd. 15. – S. 81–90. – (Österreichische Literatur und Kultur: gestern und heute). (0,9 п. л.)